ДВА ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АБСТРАКТНЫХ АКТРИСАХ

Первое

Они шепчут в самое ухо, без помехи
резонируют с чем-то, что близко, так близко;
переписка классика с музой своей капризной:
– Вот тебе, а не мысль! – в голове эхо,

темно и сыро; пахнет мышами –
как это? Не имею ни малейшего,
так говорила одна гениальная
актриса, бесконечно читавшая ночами.

Закрывала последнюю страницу левой,
правой – открывала новую книгу:
пони
по кругу, а она за волынку –

никогда не гаснущая сигарета:
вечный огонь
в память тех,
кого уже нет.

Второе

закрываю глаза,
и звуки этой музыки
рождают образы –
это как заглянуть за облако,

поверхность которого
похожа на поверхность Соляриса:
в нем можно увидеть сокровенное,
но не самое приятное.

испугаться вдруг высоты,
хотя дома сижу на диване.
да, одурманена,
нет, не этим, а кем-то,

кого никогда не увижу.
хотя, может быть, с опозданием
на каких-нибудь тридцать
перелететь через пару тысяч,

увидеть в театре,
и с двадцать третьего ряда
почти не узнать,
но ужаснуться догадке.

КАК ОДНАЖДЫ НЕ СРАЗУ НАШЛА ЛЕЙКОПЛАСТЫРЬ

Лезвие в пальце – ожить на секунду – случайный порез.
Холодное полотно в мягком и теплом,
металлический вкус ножа, соленый вкус крови,
страх промелькнул, как рефлекс.
Досада поднимает со дна ил,
накопилось,
последняя капля брызнет из глаз – опять рефлекторно,
ты же знаешь, я никогда не плачу: все под контролем.
Кроме времени.
Я еду в метро, читаю, смотрю фильмы – время идет.
Я делаю дела, поддерживаю видимость,
забываю о смерти, время идет.
Невозможно заставить себя сфокусироваться на моменте,
потому что моменты мелькают со страшной скоростью,
разлагающей мое тело, расслабляющей мой ум.
Я приобретаю вес и теряю гибкость
в прямом и переносном смыслах.

В детстве еще не все знают, что можно соврать,
прогулять детский сад.
Моя подруга плачет, когда я ухожу,
я не помню этого ровно до того момента,
как она однажды случайно попала в поле зрения
в городе, где прошло мое детство.
Она не видела меня, у меня плохая память на лица,
у меня плохая-плохая память.
Не сразу стало ясно, кто это, а когда стало,
меня поразило это воспоминание,
потому что мне и думать – не думалось, что оно где-то есть.
У кого-то было такое упражнение – вспоминать то, что давно забыто.
У кого? Вот еще одно упражнение для меня. Эта точка – конец.

Вспоминаю начало и середину.
Мозг ведет нескончаемую работу по адаптации реальности,
некоторые ее элементы могут исказить сознание,
что приведет, возможно, к необратимым последствиям,
поэтому ответственный за систему
решает отделаться малой кровью и исказить окружающий мир –
суть не меняется, если она есть, – это такие игры.

Поверь мне. Нет, лучше не верь мне.
Здесь можно поспорить, поныть,
он отвечает: it depends on how you define it.
Есть еще две секунды, чтобы подумать, чтобы продолжать нести бред,
нигилизму нет.

С опытом все труднее видеть
только одним слоем, который, наверное, есть:
слишком много ссылок, воспоминаний, отработанных движений.
Даже люди, которых впервые встречаешь, напоминают кого-то еще.
Оказываешься окруженным своими воспоминаниями,
ассоциациями, толкованиями.
Они кружат вокруг тебя, как маленькие спутники
на разных орбитах и по несколько на одной.
Их так много уже, что, мелькая там и сям,
они искажают картину своей плотнеющей пеленой,
а ты запускаешь и запускаешь новые.
Некоторые превращаются в хлам или первоначально им являлись,
но никуда не пропадают,
и искажение событий в памяти тоже есть,
потому что углы меняются постоянно.
Пелена слишком плотна,
от нее почти невозможно избавиться,
ты делаешь ее более комфортной для себя
или просто сходишь с ума.

Независимо от всех вариантов, все закончится вместе с тобой.
Панцирь рассыплется в прах.
Всегда ли именно так?
Неизвестно, будет ли это интересно кому-то еще,
ты никогда не узнаешь. Книги, фильмы, музыка помогают догадаться,
намекают, но не дают точного ответа.
Довольно быстро свыкнуться и примириться, при этом
каждому остается понятным тщеславие поэтов.

Видишь, что происходит? Все время сбиваюсь, сбивают, сбиваю.
Это не происходит вдруг, а постепенно, так, что никто не замечает.
Понятно, что ты не замечаешь в первую очередь.
Мысли приходят и уходят, я не концентрируюсь на них,
они подобны мелкой ряби, которая беспокоит
ровную поверхность моего сознания-озера.
Я не привязываюсь ни к одной из этих мыслей, рано или поздно,
начинаю видеть его гладь,
как только я это осознаю, поверхность снова потревожена.
Ветра нет, есть мои мысли, роящиеся,
не оставляющие меня, не покидающие меня.
Они не могут. Их нет. Есть я, порождающая их. Породившая.
В юности я была восторженной и неисправимой,
теперь же менее восторженная и исправима. Неисторжима.

Вот так, отлично, кровь из пальца перестала сочиться,
лейкопластырь, готово, можно продолжать резать.

НЕМО

Ничего не изменишь, в этом нет ничьей вины,
всего лишь красивая эволюционная задумка, все вы и они –
такие же, как и я. Мышка бежит в барабанчике,
если присмотреться – эта сторона изнаночная,

лапки быстро-быстро мелькают:
правая или левая – зависит от того, на какой стороне обитаешь.
Это как в клипах: кто-то стоит на разделительной полосе,
машины едут со страшной скоростью, на лице

стоящего никаких эмоций. Или как смотреть через водный слой –
огромную линзу. Еще немного постой.
Только все становится менее реальным
и слышно как-то странно,

как будто в воздушной яме: летишь – лети.
Еще как будто плывешь глубоко, и вдруг какой-нибудь камешек виден
так близко,
и ты отчетливо чувствуешь, что боишься,
так долго разыскиваемой пустоты.

РАССКАЗЫ БАБУШКИ ТИИДЖЬИНЫ

Трубка

Амуле не позволялось слишком уж хозяйничать в «Хельге», а ее особенно манили сокровища в единственном выдвижном ящичке: плоские полукруглые серьги с черненым орнаментом; деревянные четки в большом шелковом платке, с которыми строжайше запрещалось играть, но иногда под присмотром бабушки можно было полюбоваться лакированными, отливающими черешневым блеском бусинами; кленовая отполированная пиала, как выяснилось позже, еще прадеда; медаль, хранящаяся плотно завернутой в пожелтевшую бумажку, а не, как полагается, в коробочке с бархатным нутром; украшения для косичек* с маленькими круглыми металлическими пластинками; старые белые и желтые монетки в расшитом кисете; трубка с чуть удлиненным мундштуком, с серебряными ободками и большим чубуком; пачка черно-белых фотографий; и, наверное, что-то еще, теперь и не вспомнить.

Бабушка Тииджьина рассказывала так.

– Ты же знаешь, что мама моя была младшей из семи сестер и братьев. Двух братьев рано не стало, две сестры вышли замуж в соседние деревни, тетя Босхорима, моя мама и еще старший брат Бьямба. Он женился и жил по соседству,

* Украшения эти называются токг и предназначены для накосников – шиврлгов, часто украшены маленькими круглыми пластинками в виде монеток или монетками.

а потом погиб в самом начале войны, – начала бабушка Тииджьина. – Мама так рассказывала: «Помню, перед сватовством мама проверила, как мы с Босхоримой в доме и во дворе чисто убрали; куда уж чище – соседи посмеивались. Потом приехали наши сестры с мужьями, а папа и Бьямба барана разделали. Мы с сестрами маме помогали и борцоги жарить, и джомбу, и шюлюн, и хурсн махн* варить, и всякой всячины наготовить, и, конечно, гостинцы собрать. Столы, стулья, скамейки – свои и что у соседей взяли – так поставили, чтобы места всем хватило. Босхоримуша новое платье надела, косу туго заплела, помню еще, волосы такие блестящие были, чигяном** намытые; когда уже готова была, мама ей свою красивую заколку на косу подарила, которая ей от бабушки осталась. О свадьбе быстро договорились, все уже было почти готово».

Да, дядя Патма был парнем работящим, крепким, да и тетю Босхориму давно заприметил, и она ему как будто взаимностью отвечала. Вот Патма по улице идет, все глазами ее среди девушек ищет, а как найдет, обязательно окликнет – Босхорима в ответ озорно взглянет.

Вскоре тете Босхориме косу надвое разделили***. С Патмой они вместе хорошо зажили, четверо детей у них появилось, дядя Патма души в Босхоримуше своей не чаял. Только вот трубку курил. Все тетя Босхорима хотела, чтобы дядя Патма поменьше курил, а потом привыкла. Даже на день рождения Патмы сама ему новый кисет расшила, свежего табаку насыпала. Дяде Патме подарок понравился, доволен был, в усы улыбался, а на следующий год началась война.

Так дядя Патма ушел с новым кисетом и своей трубкой, а тетя Босхорима осталась с детьми его ждать. С того дня, как он ушел, она отыскала старую трубку, взяла старый кисет и на пояс себе подвесила. Почему-то была уверена, что потеряет, а вернется – она сразу ему эти подаст.

Время медленно-медленно шло, от дяди изредка приходили весточки, тетя Босхорима их детям читала и в деревянную шкатулку складывала, иногда их ночью перечитывала, когда дети уже спали, и в доме тихо-тихо было.

Однажды хромой почтальон снова к их крыльцу подошел, тетя Босхорима из дома торопливо вышла, чтобы поскорее новое письмо получить, но по слишком серьезному лицу почтальона все поняла. Тот день со всеми мельчайшими подробностями в памяти отпечатался. Как утром еще ничего не знала, на стол детям собирала, сетовала, что корова совсем худая стала, старший в степь сегодня погонит. Как потом по привычке себя приободрила: вот вернется Патма, все будет по-другому. Никогда черных мыслей не допускала: му йор**** – нельзя. Как потом почтальона в окно увидала, помнила, как быстро вышла на улицу, как весть получила, на ступеньки осела. Сколько так просидела, не знала. Потом кисет развязала, трубочку набила и закурила.

С тех пор тетя Босхорима трубку и курила: и в депортации, и когда уже снова на родную землю с двумя детьми вернулась, и когда уже сама с кровати встать не могла.

* Борцоги – пышки разной формы из дрожжевого теста; джомба – чай с молоком, солью, сливочным маслом, иногда со стружкой мускатного ореха; шюлюн – густой бульон с картошкой и мясом; хурсн махн – мясо с домашней лапшой.

** Кумыс.

*** Только замужние женщины носили две косы.

**** Плохое предчувствие / примета; считается, что, думая о дурном, можно дурное накликать.